

Родилась я 7 сентября 1928 года в Новосибирской области. В двухлетнем возрасте попала в Пудинский район вместе с матерью, Лопатиной Еленой Леонтьевной. Из рассказов мамы знаю, что работы по хозяйству там, в Новосибирской области, было много, но поесть было что. Вот за это, наверное, и не любили богатых, что они, не зная покоя, работали как каторжные. Денег у крестьян не было, всё шло на покупку сельхозмашин, а это было дорого. Продавали хлеб, скотину, чтобы уплатить налоги. А потом стали приходить с обыском. Что искали? Не знаем. Всё перевернут, хозяина дома арестуют, посадят к кому-нибудь в дом, поставят караул, ведь в деревне-то тюрьмы нет. Вскоре арестовали и отца, увезли его в районную тюрьму, а мама осталась с нами, дочерями. Старшей было три с половиной года, средней - полтора, а младшей-всего три месяца. Потом забрали всю скотину и выгнали из дома. В переулке были 2 землянки, вот их и поселили в одну из них. Один дядя уехал с семьёй из этой землянки, а семья второго переехала в другое место. Прожили так ещё две недели. Как то вечером пришли двое: деревенский бедняк и уполномоченный из района, и объявили, что нас отправляют в ссылку. Мороз, как назло 30 градусов. Стали собираться. С нами была ещё мать-старушка (т.е. моя бабушка). Из деревни в этот раз выслали 4 семьи.

Родителей мамы Елены, моих деда с бабушкой, моей матерью вместе с дядей Павлом раскулачили и сослали в Нарымский край, на Васюган. Там и померли деды от голода, а дядя Павлик погиб в войну. Его брат Пётр тоже погиб на войне. Он был уже не молодой был, взяли в армию, в последнюю очередь. У него было 2 сына, которые тоже воевали, с войны братья вернулись невредимы. Жена Петра вышла замуж и уехала в соседнюю деревню Щербаково.

Трудно описать, что пережили во время этого переезда до места ссылки. Чуть не потеряли младшую дочь.... Подъехали к болоту, которое тянулось от теперешнего северного района до Львовки. А это 60 километров. И этот перегон нужно было проехать без передышки. Доехали до Львовки, в поселке, в каждой избе битком набито людей. Поехали дальше до Шерстобитова. Там тоже ссыльных полно. Некоторые даже поставили палатки. Но добрые люди пустили семью в баню, где и прожили неделю. Затем переехали в деревню Собакино, там место выделили в избе на полатах. В посёлке было всего 6 домишек, а народу как мурашей. Трудно жилось в посёлке, но всё-таки спокойно. Кругом глухомань, лес, и ничего больше. Трава не росла, один папоротник, были, конечно, и полянки, но там косили старожилы. Очень трудно было, но обжились. Создали из спецпереселенцев колхоз. Жизнь стала налаживаться, даже находили время и продукты для праздников....Но это было лишь затишье перед бурей...

Началась война....

Снова горе, голод и холод. На женщин легла тяжелая работа, налоги, займы. В войну на трудодень ничего не получали, ни хлеба, ни денег. Всё отправляли на фронт. Ходили полуголодные, полураздетые, налоги давили. А где деньги взять? Не знаю, как мы выжили. Была одна мысль: хоть бы не повторилось прошлое, ссылка.

Все вынес наш народ. Мало-помалу обжились после войны. Жизнь продолжалась, отступил голод, люди приоделись. Мама многое пережила. Привезла в ссылку трех дочерей. Все они выросли, несмотря ни на какие трудности. Много пришлось пережить, не дай, Господь, такое нынешнему поколению. Живет человек по-разному. Кому достанется дорога прямая, а кому такая кривая, ухабистая да кочковатая, но перейдет, переползет, с трудом выкарабкается и снова живет...

После войны я вышла замуж за Мыльникову Сергея Михайловича, тоже из спецпереселенцев. Он прошел всю войну. С августа 1942 года началась его военная жизнь. Воевал на 1-м и 2-м Украинских фронтах, в 70-й гвардейской дивизии разведчиком. Участвовал в Курской битве, был знаменосцем дивизии, знамя дивизии носил на груди (без древка) с марта 1944 по март 1947 года. Был награжден орденами Отечественной войны I степени, Орденами Славы I-II степени, медалями за Победу, юбилейными медалями.

Сейчас я живу одна, дети живут отдельно. Летом каждый день купаюсь, зимой хожу на лыжах, езжу в сауну, на источник. Летом хожу в лес за ягодами, грибами. В лесу разожгу костерок, попью чайку, поговорю с лесом. Жизнь продолжается...